

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дело №49-АПУ19-9сп

АПЕЛЛЯЦИОННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

г. Москва

30 апреля 2019 года

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации в составе:

председательствующего Безуглого Н.П.,

судей Кочиной И.Г., Истоминой Г.Н.,

с участием:

государственного обвинителя – прокурора Телешевой-Курицкой Н.А.,
потерпевшей А [REDACTED]

осужденного Имашева Э.М.,

защитника – адвоката Шинелевой Т.Н.,

при секретаре Димаковой Д.Н.,

рассмотрела в судебном заседании уголовное дело по апелляционным жалобам осужденного Имашева Э.М. и адвоката Панфилова В.В. на приговор Верховного Суда Республики Башкортостан с участием коллегии присяжных заседателей от 11 февраля 2019 года, которым

Имашев Эльдар Минисламович, [REDACTED]

судимый:

- 28.07.2016 года по ч.1 ст.119 УК РФ к 200 часам обязательных работ,
наказание отбыто 28.11.2016 года,

- 15.03.2017 года мировым судьей судебного участка № [REDACTED] по Уфимскому району по ч.1 ст.119 УК РФ к 8 месяцам лишения свободы условно с испытательным сроком 1 год,

- 17.04.2017 года мировым судьей судебного участка № [REDACTED] по Уфимскому району по ч.1 ст.119 УК РФ к 8 месяцам лишения свободы условно с испытательным сроком 1 год,

осужден:

- по п.«а» ч. 2 ст.105 УК РФ к лишению свободы на 19 лет с ограничением свободы сроком на 1 год,

- по ч.3 ст.30, ч.2 ст.167 УК РФ к лишению свободы на 2 года,

- на основании ч.3 ст.69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний, - к 20 годам 6 месяцам лишения свободы с ограничением свободы сроком на 1 год.

В соответствии с ч.5 ст.74 УК РФ отменено условное осуждение по приговорам от 15.03.2017 года и 17.04.2017 года.

На основании ч.1 ст.70 УК РФ по совокупности приговоров путем частичного присоединения к назначенному наказанию неотбытой части наказаний по приговорам от 15.03.2017 года и 17.04.2017 года окончательно назначен 21 год лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии строгого режима с ограничением свободы сроком на 1 год с ограничениями и обязанностью, указанными в приговоре.

Срок наказания постановлено исчислять с 11 февраля 2019 года с зачетом содержания под стражей с 8 ноября 2017 года до 11 февраля 2019 года.

Принято решение в отношении вещественных доказательств.

Заслушав доклад судьи Кочиной И.Г., выступление осужденного Имашева Э.М. и адвоката Шинелевой Т.Н., поддержавших доводы, содержащиеся в апелляционных жалобах, потерпевшей А [] и государственного обвинителя - прокурора Телешевой-Курицкой Н.А., возражавших против удовлетворения апелляционных жалоб, Судебная коллегия,

у с т а н о в и л а:

В соответствии с вердиктом коллегии присяжных заседателей Имашев Э.М. осужден за убийство П [] и А [] и за покушение на умышленное уничтожение дома, принадлежащего Д [], совершенное путем поджога, не доведенное до конца по независящим от осужденного обстоятельствам, а именно, ввиду ликвидации возгорания. В случае доведения умысла до конца потерпевшей был бы причинен значительный ущерб.

Преступления совершены 7 ноября 2017 года в д. Якшиваново, Уфимского района Республики Башкортостан.

В апелляционной жалобе и в дополнении к ней осужденный Имашев Э.М. выражает несогласие с приговором поскольку предварительное и судебное следствие, по его мнению, велось с грубыми нарушениями уголовно-процессуального закона.

В обоснование жалобы осужденный ставит под сомнение процедуру отбора присяжных заседателей, считает, что председательствующим необоснованно отклонены его заявления о нарушениях, допущенных в период

расследования дела, ходатайства о проверке показаний его и И [] на детекторе лжи, отказано в исследовании заключения о причине смерти А [] в допросе свидетеля Н [], который видел И [] сразу после преступления, в назначении повторной судебно-психиатрической экспертизы, в дополнительных исследованиях вещественных доказательств. Указывает, что председательствующий в присутствии присяжных назвала его клоуном и актером, сообщила о его судимости, что считает грубым нарушением процедуры рассмотрения дела. Полагает, что нарушением является и отказ председательствующего выдавать ему на руки копии протоколов судебных заседаний сразу после окончания каждого заседания. По мнению осужденного, председательствующий необоснованно отводила его вопросы, относящиеся к делу, чем лишила возможности защищаться. Так, был снят вопрос свидетелю М [], изменившему показания в суде, и не удовлетворено ходатайство об оглашении показаний данного свидетеля, которые он давал в ходе предварительного следствия, в то время как ходатайство стороны обвинения об оглашении показаний свидетеля И [] было удовлетворено, не смотря на его возражения. Полагает, что председательствующий необоснованно отказала ему в просмотре видеозаписей при ознакомлении в суде с материалами дела по тому основанию, что диски опечатаны, в результате чего было нарушено его право на защиту. По ходатайству стороны обвинения в судебном заседании все-же была просмотрена видеозапись проверки показаний И [] однако после настройки оборудования специалистом, который мог оказать воздействие на содержание видеозаписи. Утверждает, что свидетель И [] явился в суд в состоянии алкогольного опьянения. Чтобы проверить показания данного свидетеля о том, что его одежда была в крови, он попросил председательствующего показать присяжным заседателям вещественные доказательства с близкого расстояния, однако эта просьба не была удовлетворена. В результате присяжные заседатели не имели возможности рассмотреть вещи. Считает, что председательствующий необоснованно запретил ему предъявлять присяжным заседателям для обозрения свои шорты, которые были на нем одеты в день преступления. Неправомерно, как не относящееся к делу, было прервано выступление свидетеля Ш [] в части того, что И [] неоднократно ей заявлял, что это он совершил преступление. Председательствующий также не дал довести до сведения присяжных заседателей об оказанном на него давлении в период предварительного следствия, лишила его последнего слова, не дав привести доводы в свою защиту, представить характеристику от односельчан. Данные обстоятельства, а также содержание его в кабинке за стеклом, а не рядом с адвокатом, не позволили ему воспользоваться в полном объеме правом на защиту.

На основании изложенного Имашев считает, что допущенные в ходе предварительного следствия и судебного разбирательства нарушения привели к вынесению необъективного вердикта и незаконного приговора, который просит отменить и уголовное дело вернуть на новое рассмотрение или расследование.

Адвокат Панфилов в апелляционной жалобе и в дополнении к ней в интересах осужденного Имашева Э.М. выражает несогласие с приговором, полагая, что в ходе судопроизводства допущены нарушения права на защиту, которые сформировали у присяжных заседателей предвзятое отношение к подсудимому и повлияли на вердикт.

Указывает, что председательствующий довела до сведения присяжных заседателей сведения о судимости подзащитного, прерывала выступление подсудимого, не давая донести до присяжных доводы о своей невиновности, о недопустимости доказательств, в том числе первоначальных признательных показаний, являющихся самооговором, полученных под давлением сотрудников полиции. В результате мнение присяжных заседателей было сформировано на основании недопустимых доказательств.

Председательствующий не всегда реагировала на нарушения законности при выступлениях государственного обвинителя и потерпевших. Таких нарушений было настолько много, что в своей совокупности они повлияли на объективность коллегии присяжных. Так, государственный обвинитель во вступительном слове пояснил, что Имашев решил воспользоваться судом присяжных, чтобы ввести судей в заблуждение, обмануть (т.8.л.д.127), потерпевшие сообщили о приводах Имашева Э. в полицию, конфликтах в семье (т.8 л.д.158,159), о том, что у убитых имелись дети, неисполненные денежные обязательства (т.л.д.131,136). Был допрошен несовершеннолетний сын П. [REDACTED], который не владел никакой информацией о преступлении. Считает, это было сделано с целью доведения до присяжных заседателей информации о наличии у потерпевшего детей (т.8 л.д.171-172).

В ходе судебного следствия при отказе свидетеля И. [REDACTED] от дачи показаний, были незаконно оглашены его показания, данные в ходе предварительного следствия, ему задавались вопросы о том, подтверждает ли он их, с целью создания у присяжных заседателей предубеждения к версии стороны защиты.

Председательствующий запрещала Имашеву задавать вопросы свидетелям в том числе свидетелю Ш. [REDACTED] о том сама ли она подписала протокол (т.8 л.д.144,184), огласила перед присяжными заседателями явку с повинной Имашева, которая в дальнейшем была признана недопустимым доказательством. (т.8 л.д.194, 195, 196, 198), не позволила Имашеву показать присяжным заседателям шорты, в которых он находился в день, когда было совершено преступление (т.8 л.д.210), в то время как они не признавались недопустимым доказательством, чем воспрепятствовала представлению доказательств стороной защиты.

Ходатайство процессуального характера, заявленное государственным обвинителем, было рассмотрено в присутствии присяжных заседателей, без выяснения мнения подсудимого (т.8 л.д.176), а неоднократные заявления Имашева о недопустимости исследуемых доказательств остались без рассмотрения (т.8 л.д.194-195).

Председательствующий неоднократно прерывала выступление Имашева в прениях сторон, не давая донести до присяжных заседателей доводы о невинности, даже в тех случаях, когда они не касались допустимости доказательств.

Прокурор, выступая в прениях, заявил о том, что достоверными являются лишь первоначальные показания свидетелей и подозреваемых, на что председательствующий не сделала замечания и не дала пояснений присяжным заседателям, не отреагировала на оскорбительные высказывания в адрес подсудимого со стороны обвинения о наличии у Имашева чувства безнаказанности, что он безразлично относится к правам других лиц, цинично отпирается от обвинения, что его позиция защиты является бредовой, что он нагло врет, что он на условном осуждении (т.8 л.д.203, 207, 208, 209, 213).

Содержание напутственного слова, по мнению адвоката, не соответствует требованиям ст.340 УПК РФ, поскольку в нем искажены показания Имашева, данные в судебном заседании, не приведены доказательства, оправдывающие Имашева, а именно, его показания о непричастности к содеянному, о невозможности совершения им преступления, о возможной причастности к убийству своего брата, не приведены показания свидетеля Ш [] которая также предполагала о причастности к преступлению И [] отсутствуют показания И [] данные в ходе предварительного следствия о том, что он по просьбе матери признал вину в совершении преступления, а также показания свидетелей, которым он рассказывал о своей причастности к убийству, не сказано о том, что экспертными заключениями не удалось установить причастность к преступлению Имашева Э., а не его брата. В нарушение положений уголовно-процессуального закона председательствующий в напутственном слове упомянула о явке с повинной, признанной недопустимым доказательством (т.8 л.д.92). В нарушение положений ст.14 УПК РФ председательствующий разъяснила присяжным заседателям, что нельзя все сомнения толковать в пользу подсудимого, а только разумные и неустранимые.

В нарушение положений ч.3 ст.339 УПК РФ председательствующий не поставил перед присяжными заседателями частный вопрос, касающийся нападения на Имашева со стороны потерпевших и обороны его от данного нападения.

При назначении наказания суд необоснованно не учел в качестве смягчающих обстоятельств противоправное поведение погибших, состояние здоровья матери осужденного и его положительные характеристики подзащитного.

На основании изложенного приговор просит отменить и направить дело на новое рассмотрение.

Государственный обвинитель Хусаинова Э.Р. и потерпевшая А [] [] возражает против удовлетворения апелляционных жалоб.

Проверив материалы дела, обсудив доводы апелляционных жалоб и представленные возражения, Судебная коллегия считает, что обвинительный приговор в отношении Имашева Э.М. постановлен в соответствии с вердиктом коллегии присяжных заседателей, основанном на всестороннем и полном исследовании представленных сторонами доказательств.

Уголовное дело рассмотрено законным составом суда. Коллегия присяжных была сформирована с соблюдением требований ст.ст. 326-329 УПК РФ из 8 основных и 3 запасных заседателей, в ее состав вошли только те лица, которые в соответствии с ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» имели право осуществлять правосудие. К работе коллегия присяжных заседателей приступила после присяги.

В ходе судебного следствия, до удаления в совещательную комнату, трое присяжных заседателей из основного состава не смогли продолжить участие в рассмотрении дела по объективным причинам и обоснованно были заменены запасными заседателями, что допускается положениями ст.329 УПК РФ.

Во вступительном заявлении государственный обвинитель изложил перед присяжными заседателями существо предъявленного обвинения и предложил порядок исследования представленных им доказательств, а защитник и подсудимый высказали свое отношение предъявленному обвинению и мнение о порядке исследования доказательств.

Судебное следствие проведено в соответствии со ст. 335 УПК РФ с учетом его особенностей в суде с участием присяжных заседателей.

В рамках судебного следствия исследовались фактические обстоятельства уголовного дела, доказанность которых устанавливается присяжными заседателями в соответствии с их полномочиями, предусмотренными ст. 334 УПК РФ. При этом председательствующий обеспечил соблюдение принципа состязательности сторон в судебном процессе, предоставив им равные возможности для представления и исследования доказательств.

Вопреки доводам апелляционной жалобы процессуальных нарушений при допросе свидетеля И [] не допущено (т.8 л.д.176). Доводы осужденного о том, что данный свидетель явился в судебное заседание в состоянии алкогольного опьянения не нашли своего подтверждения, поскольку такая информация не зафиксирована в протоколе судебного заседания, замечаний подобного рода на протокол не поступало ни от стороны обвинения, ни от стороны защиты.

И [] являясь родным братом осужденному, воспользовался правом, предоставленным ст.51 Конституции РФ, и отказался свидетельствовать против него, в связи с чем государственный обвинитель предложил огласить показания свидетеля, данные в ходе предварительного следствия, в том числе на месте происшествия и воспроизвести видеозапись проверки его показаний, приложенную к протоколу. Для заявления и разрешения данного ходатайства государственный обвинитель подошел к столу председательствующего, туда же была приглашена и сторона защиты, которую представлял адвокат, и который,

высказывая согласованную с подсудимым позицию, не возражал против оглашения показаний свидетеля. При таких обстоятельствах нет оснований считать, что до сведения присяжных заседателей были доведены вопросы процессуального характера, не относящиеся к их полномочиям, поскольку обсуждение происходило вне зоны слышимости коллегии. При этом оглашение показаний свидетеля И [] и просмотр видеозаписи проверки его показаний на месте (т.1 л.д.136-142, 147-160, т.2 л.д.29-33) произведены в соответствии с положениями ч.ч.4,5 ст.281 УПК РФ. Препятствий к исследованию данных доказательств не имелось, поскольку они были даны после разъяснения права отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников. Доводы Имашева о возможном внесении изменений в видеозапись специалистом, который настраивал оборудование, несостоятельны, поскольку после ее просмотра участники процесса, в том числе и И [] не сделали заявлений по поводу несоответствия записи протоколу проверки показаний.

Положениями ст. 281 УПК РФ не запрещается задавать вопросы свидетелю, чьи показания были оглашены в связи с отказом от дачи показаний в суде, вследствие чего председательствующий правомерно предоставил сторонам возможность задавать свидетелю И [] вопросы, чем воспользовались и государственный обвинитель и адвокат (т.8 л.д.176). Выражая несогласие с показаниями свидетеля, подсудимый ходатайствовал об осмотре присяжными заседателями вблизи его одежду, приобщенной к делу в качестве вещественных доказательств. В результате в ходе судебного следствия были осмотрены вещи, в которых Имашев находился с момент совершения преступления (т.8 л.д.186-188). С просьбами о повторном осмотре или осмотре с более близкого расстояния присяжные заседатели не обращались, в связи чем нет оснований полагать, что они не разглядели демонстрируемые предметы.

В ходе допроса свидетеля Ш [] председательствующий обоснованно отвела вопрос Имашева (т.8 л.д.184), о том сама ли свидетель подписывала протокол допроса, поскольку он выходил за рамки компетенции присяжных заседателей. При этом доводы о том, что председательствующий прерывал выступление Ш [], когда она хотела рассказать о виновности в совершении убийства иного лица, протоколом судебного заседания не подтверждаются. Напротив, из него следует, что допрос свидетеля не прерывался. Были оглашены ее показания, которые она давала в ходе предварительного следствия, содержание которых Ш [] подтвердила в судебном заседании.

Несостоятельны доводы жалоб о необоснованном отводе председательствующим вопросов подсудимого свидетелям А [] и М [], поскольку вопрос свидетелю А [] подсудимый задал в нарушение регламента, перебив другого участника процесса (т.8 л.д.144), а вопрос подсудимого к свидетелю М [] касался обстоятельств, выходящих за рамки предмета судебного разбирательства. При этом с учетом замечания председательствующего Имашев скорректировал свой вопрос и задал

его вновь. Получив ответ, как и другие участники процесса, пояснил, что других вопросов к свидетелю не имеет (т.8 л.д.139,140). Между тем, доводы осужденного о том, что суд отказал ему в оглашении показаний свидетеля, не соответствуют материалам дела, поскольку из протокола судебного заседания следует, что такого ходатайства стороной защиты не заявлялось.

Стороной защиты правильно указано в апелляционных жалобах, что потерпевшая Д [] в ходе допроса сообщила, что у нее и убитого мужа П [] имеется сын в возрасте 15 лет П [] который был допрошен в судебном заседании (т.8 л.д.170-172), а потерпевшая А [] сообщила о наличии внучки – дочери убитого сына (т.8 л.д.131, 136). Сторона защиты полагает, что данная информация доведена до сведения присяжных заседателей незаконно, а допрос П [] проведен с целью проинформировать присяжных заседателей о наличии у потерпевшего детей. Однако, не смотря на доводы стороны защиты, нарушения положений ст.335 УПК РФ, предусматривающей особенности судебного следствия с участием присяжных заседателей, не усматривается, поскольку в ней не содержится запрета на доведение до сведения присяжных заседателей информации о потерпевшем.

Из протокола судебного заседания следует, что во вступительном слове государственный обвинитель допустила высказывание о том, что Имашев воспользовался судом присяжных с целью уйти от ответственности и ввести заседателей в заблуждение, а адвокат пытался довести до присяжных информацию о виновности лица, обвинение которому не предъявлено, в ходе судебного следствия потерпевшая спрашивала у свидетеля В [], проживающей совместно с Имашевым, хватается ли он за ножи, поставила под сомнение ответ свидетеля о том, что они жили хорошо, и сообщила, что в деле имеются данные о приводах Имашева (т.8 л.д.158,159). Вместе с тем, данные обстоятельства не оказали влияния на вердикт, поскольку председательствующий каждый раз делал замечания участникам процесса (т.8 л.д.127, 129) и разъяснял присяжным заседателям, что они не должны учитывать информацию, которая выходит за пределы вопросов доказанности факта совершения преступлений и вины подсудимого.

В ходе судебного следствия во время дачи показаний Имашев довел до сведения присяжных заседателей данные о том, что находится на условном осуждении, поскольку считал, что данная информация необходима для рассмотрения дела (т.8 л.д.190). При таких обстоятельствах такого же рода информация сообщенная в прениях потерпевшей не могла оказать воздействия на присяжных заседателей, поскольку была им известна (т.8 л.д.209).

Не подтверждаются протоколом судебного заседания доводы осужденного о том, что председательствующий высказывала в его адрес оскорбительные слова и сообщила о судимости. Протокол судебного заседания был вручен осужденному для ознакомления, право принесения замечаний разъяснено (т.8 л.д.229). Поскольку замечаний не поступило, Судебная коллегия исходит из того, что содержание протокола правильно отражает ход судебного процесса.

Вопреки доводам апелляционной жалобы адвоката все исследованные в присутствии присяжных заседателей доказательства отвечали требованиям допустимости за исключением явки с повинной Имашева. После оглашения по ходатайству стороны защиты явка была признана недопустимым доказательством ввиду того, что дана без участия защитника. Вместе с тем, данное обстоятельство не могло повлиять на объективность присяжных заседателей, поскольку содержание явки не отличалось от содержания избличительных показаний Имашева в качестве подозреваемого и обвиняемого, которые оглашены в соответствии с положениями п.1 ч.1 ст.276 УПК РФ (т.2 л.д.1 т.8 л.д. 194-198).

Доводы о недопустимости оглашенных показаний Имашева и протокола опознания им предметов (т.2 л.д.15-19, 25-28, 59-61, 29-33, 35-49, 145-148) опровергаются материалами дела, согласно которым все следственные действия с участием Имашева проведены с участием защитников в соответствии с положениями ст.ст.189, 192, 193 и 194 УПК РФ. Замечаний по содержанию протоколов ни от Имашева, ни от адвокатов не поступало. Фактов непроцессуального воздействия на обвиняемого судом не установлено, жалоб на действия сотрудников правоохранительных органов в связи с проведением указанных следственных действий не поступало.

Вопреки доводам апелляционных жалоб все заявленные участниками процесса ходатайства председательствующим были рассмотрены, в том числе и ходатайства стороны защиты.

Так, в ходе предварительного слушания судом удовлетворено ходатайство Имашева об ознакомлении с материалами дела, ему были предоставлены для изучения все тома. Согласно расписке с делом подсудимый ознакомился в полном объеме без ограничения во времени (т.7 л.д.27-29, 53).

Кроме того, Имашевым были заявлены ходатайства о проведении в отношении его повторной судебно-психиатрической экспертизы, о назначении почерковедческой экспертизы с целью определения принадлежности подписи на явке с повинной, экспертизы вещественных доказательств, изъятых при задержании, о проверке его и свидетеля И [] на детекторе лжи, о запросе данных о причине возгорания дома, в котором проживал А [] (отец убитого А []) и причине его смерти, которые рассмотрены судом, по ним принято решение об отказе в удовлетворении на данном этапе судопроизводства и подсудимому разъяснено право повторно обратиться к суду с данными ходатайствами в период рассмотрения дела по существу.

В период судебного следствия стороной защиты были заявлены лишь два ходатайства: о признании недопустимым доказательством явки с повинной и о допросе эксперта-психиатра. Председательствующий явку с повинной признал недопустимой, удовлетворив первое ходатайство, а от второго Имашев отказался, ограничившись просьбой об оглашении показаний данного эксперта. Согласно протоколу судебного заседания показания эксперта были исследованы в судебном заседании путем их оглашения (т.8 л.д.198-199). Иных ходатайств от стороны защиты в период рассмотрения уголовного дела не поступало, имели

место лишь высказывания подсудимого относительно оценки доказательств, которые не требовали разрешения по правилам ст.256 УПК РФ (т.8 л.д.194-195, 198).

По итогам судебного следствия участники процесса не усмотрели необходимости о назначении по делу дополнительных и повторных экспертиз и не ходатайствовали об этом, не усмотрел такой необходимости и председательствующий, поскольку представленные заключения отвечали требованиям допустимости, а выводы экспертов являлись полными и непротиворечивыми.

Ходатайство о проверке показаний подсудимого и свидетеля И [] на детекторе лжи не заявлялось в ходе судебного следствия и не могло быть удовлетворено судом в случае обращения с ним, поскольку данный метод исследования не отнесен к числу допустимых. Оснований для исследования причин возгорания дома А [] и причин его смерти у суда не имелось, поскольку данные обстоятельства не связаны с предъявленным Имашеву обвинением. По итогам судебного следствия председательствующий не усмотрел необходимости в исследовании шорт и вызове свидетеля Н [] поскольку из показаний допрошенных лиц было очевидно, что шорты в момент совершения преступлений были одеты Имашевым под брюки, в связи с чем следов преступлений на них не осталось, а Н [] свидетелем преступлений не являлся.

При таких обстоятельствах доводы стороны защиты о том, что многочисленные заявления Имашева о недопустимости доказательств остались без внимания председательствующего не соответствуют действительности.

Не нашли своего подтверждения доводы стороны защиты о том, председательствующий необоснованно прерывала выступление Имашева в прениях сторон. В соответствии с ч.3 ст.336 УПК РФ в прениях стороны не вправе ссылаться в обоснование своей позиции на доказательства, которые в установленном порядке признаны недопустимыми или не исследовались в судебном заседании. В соответствии с положениями данной нормы закона председательствующий обоснованно сделал замечаний Имашеву, ссылавшемуся на описание принадлежащих ему шорт и пытался предоставить их присяжным заседателям, поскольку они не были предметом исследования (т.8 л.д.210), разъяснив при этом присяжным заседателям, что они не должны учитывать данное обстоятельство при вынесении вердикта. Дважды Имашев пытался довести до сведения присяжных заседателей вопросы проведения допросов и оформления протоколов, сказал о своей судимости, в связи с чем его выступление правомерно прерывалось, делались замечания и давались разъяснения о том, что процессуальные вопросы не входят в компетенцию присяжных заседателей. Каждый раз председательствующий обращался к коллегии присяжных заседателей с просьбой не принимать во внимание информацию, выходящую за пределы вопросов, подлежащих ими разрешению.

Выступая в прениях сторон государственные обвинители, как правильно указано в апелляционных жалобах, говорили о недопустимости оправдания

виновных, что одна из функций уголовного закона является карательной в отношении лиц, игнорирующих права других людей, что позицию стороны защиты сочли бредовой и абсурдной, а потерпевшая назвала показания Имашева наглой ложью (т.8 л.д.203, 207, 208, 209). Председательствующий по причине употребления вышеизложенных оборотов речи выступление стороны обвинения не прерывал, поскольку они представляют собой оценку исследованных доказательств с точки зрения достоверности, вследствие чего не выходят за пределы полномочий присяжных заседателей.

Не смотря на то, что в стадии реплик сторона обвинения довела до присяжных заседателей свое видение оценки доказательств на предмет достоверности, полагая, что таковыми являются первоначальные показания свидетелей и подозреваемых, данное обстоятельство не привело к вынесению необъективного решения, поскольку они руководствовались теми наставлениями относительно оценки доказательств, что были даны председательствующим в напутственном слове перед удалением коллегии в совещательную комнату.

Не соответствуют действительности доводы осужденного о лишении его последнего слова. Согласно протоколу судебного заседания Имашев, выступая с последним словом касался обстоятельств, не связанных с его обвинением и не являющихся подтверждением его невиновности, а также задал вопрос потерпевшей, что не допускается в соответствии с положениями ст.337 УПК РФ, в связи с чем его выступление приостанавливалось председательствующим, который давал подсудимому соответствующие разъяснения и попросил присяжных заседателей не принимать во внимание обстоятельства, выходящие за рамки предмета их доказывания (т.8 л.д.215-218).

Данные действия председательствующего основаны на требованиях закона, вследствие чего их нельзя расценивать как ограничение права подсудимого на защиту.

Не нарушает права на защиту и содержание Имашева в ходе судебного разбирательства в кабинке, поскольку это обусловлено применением к нему меры пресечения в виде заключения под стражу. Данных о том, что нахождение в кабинке препятствовало его общению с адвокатом, протокол судебного заседания не содержит. Напротив, из протокола следует, что позиция защиты у Имашева с адвокатом была согласована, в судебных заседаниях объявлялись перерывы, в ходе которых участники стороны защиты имели возможность общения между собой.

Не относит Судебная коллегия к нарушению права на защиту и факт выдачи Имашеву протокола судебного заседания по окончании судебного разбирательства, поскольку это не противоречит положениями ст.259 УПК РФ.

Напутственное слово председательствующего соответствует требованиям ст.340 УПК РФ. Вопреки доводам жалоб председательствующий в нем наряду с другими предусмотренными законом обстоятельствами изложил позиции государственного обвинителя и защиты о непричастности к содеянному и непризнании вины, напомнил об исследованных в суде доказательствах, как уличающих подсудимого, так и оправдывающих его, в том числе показаниях

свидетелей Ш [] и И [] экспертных заключениях. При этом фактов искажения показаний и письменных доказательств не установлено. Кроме того, председательствующий в напутственном слове разъяснил присяжным основные правила оценки доказательств в их совокупности, сущность принципа презумпции невиновности и положение о толковании неустранимых сомнений в пользу подсудимого.

С учетом того, что в пользу обвиняемого толкуются лишь те сомнения в его виновности, которые не могут быть устранены в предусмотренном законом порядке, председательствующий обоснованно дал разъяснение по данному вопросу, используя термин разумности сомнений, при этом его разъяснение не противоречит положениям ч. 3 ст. 14 УПК РФ.

Разъяснены председательствующим в напутственном слове и положения о том, что их вердикт может быть основан лишь на тех доказательствах, которые непосредственно исследованы в судебном заседании, что никакие доказательства для них не имеют заранее установленной силы, а их выводы не могут основываться на предположениях, а также на доказательствах, признанных судом недопустимыми. В связи с тем, что перед присяжными заседателями была оглашена явка с повинной председательствующий правомерно напомнил заседателям о том, что данное доказательство впоследствии было признано недопустимым, вследствие чего его нельзя принимать во внимание при оценке доказательств.

В соответствии с положениями ст. 340 УПК РФ стороны вправе заявить в судебном заседании возражения в связи с содержанием напутственного слова председательствующего по мотивам нарушения им принципа объективности и беспристрастности. Однако, согласно протоколу судебного заседания, таких заявлений от сторон не поступало (т.8 л.д.219), присяжные заседатели пояснили, что дополнительные разъяснения им не требуются.

Не нашли своего подтверждения доводы, касающиеся недостатков вопросного листа и ответов на вопросы.

Вопросы перед присяжными заседателями сформулированы исходя из предъявленного обвинения, с учетом результатов судебного следствия, являются понятными, а ответы на них - не противоречивыми. Замечаний на них от сторон не поступало, равно как и ходатайств о дополнений листа частными вопросами.

Председательствующий не усмотрел необходимости постановки частных вопросов по позиции стороны защиты и это решение не противоречит положениям ст.339 УПК РФ, поскольку формулировка вопросов не предопределяла ответы на них, а позволяла учесть позицию подсудимого, которая заключалась в отрицании причастности к преступлениям, ответив отрицательно на поставленные вопросы, либо вычеркнув не доказанные обстоятельства.

Нарушений порядка и сроков совещания присяжных заседателей при вынесении вердикта, тайны совещательной комнаты допущено не было.

На основании представленных сторонами доказательств присяжными заседателями был вынесен обвинительный вердикт, который является понятным и непротиворечивым.

Таким образом, Судебная коллегия не усматривает нарушений порядка рассмотрения дела с участием присяжных заседателей, которые бы могли повлечь за собой отмену вынесенного присяжными заседателями вердикта.

Оценив исследованные доказательства и вынесенный вердикт председательствующий принял правильное решение, не усмотрел оснований, предусмотренных ч.5 ст.348 УПК РФ для роспуска коллегии присяжных заседателей.

Вердиктом присяжных заседателей установлено, что в ходе распития спиртных напитков на почве личных неприязненных отношений Имашев Э.М. с целью лишения жизни П [] и А [] взял со стола кухонный нож и нанес П [] не менее пяти ударов в область головы и лица, затем стулом не менее двух раз ударил его в область головы и спины, после чего кухонным ножом нанес П [] не менее пяти ударов в область груди, а А [] - кухонным ножом один удар в область груди слева, в результате чего П [] и А [] были причинены колото-резаные ранения груди, от которых они скончались на месте происшествия.

Данные действия осужденного суд правильно квалифицировал по п. «а» ч.2 ст.105 УК РФ как убийство двух лиц.

Кроме того, вердиктом установлено, что с целью сокрытия следов преступления Имашев решил уничтожить дом, принадлежащий Д [] и П [] стоимостью 222.664 рублей и находящееся в нем имущество, для чего поджег на диване плед, убедился в его воспламенении и с места происшествия скрылся. В результате огнем было повреждено внутреннее помещение дома, стоимость восстановления которого составляет 7495 рублей, также уничтожено не представляющее ценности имущество, принадлежащее Д [] и П []. Однако благодаря своевременной ликвидации пожара уничтожения всего дома удалось избежать.

Данные действия осужденного правильно квалифицированы по ч.3 ст.30, ч.2 ст.167 УК РФ как покушение на умышленное уничтожение чужого имущества, совершенное путем поджога, не доведенное до конца по независящим от лица обстоятельствам.

В случае доведения преступления до конца потерпевшей был бы причинен значительный ущерб.

Оснований для иной квалификации действий осужденного не имеется.

Исходя из заключения судебно-психиатрической экспертизы и анализа поведения Имашева в период судопроизводства председательствующий правильно пришел к выводу о том, что он является вменяемым и должен нести уголовную ответственность за содеянное.

Назначенное Имашеву наказание является справедливым и смягчению не подлежит, поскольку судом при его назначении учтены характер и степень общественной опасности совершенных преступлений, данные о личности, в том числе характеризующие данные, обстоятельства, смягчающие наказание, в том числе противоправное поведение потерпевшего А [REDACTED], обстоятельство, отягчающие наказание, влияние назначенного наказания на исправление осужденного и условия жизни его семьи, а также иные обстоятельства, имеющие значение для решения данного вопроса.

Иных обстоятельств, подлежащих признанию смягчающими, суд не усмотрел, не усматривает их и Судебная коллегия.

Решение о неприменении к осужденному положений ч.6 ст.15, ст.ст.64 УК РФ судом мотивировано.

Выводы о назначении окончательного наказания по правилам ст. 70 УК РФ соответствует требованиям закона.

Таким образом, оснований для удовлетворения апелляционных жалоб не имеется.

На основании вышеизложенного, руководствуясь ст.ст. 389.13, 389.20, 389.28 УПК РФ, Судебная коллегия

о п р е д е л и л а:

приговор Верховного Суда Республики Башкортостан с участием коллегии присяжных заседателей от 11 февраля 2019 года в отношении **Имашева Эльдара Минисламовича** оставить без изменения, апелляционные жалобы осужденного Имашева Э.М., адвоката Панфилова В.В. - без удовлетворения.

Председательствующий

Судьи

